

Конец шестидесятых. По приглашению Мирзо Турсун-заде мы с женой в Таджикистане.

Мирзо рассказывает: В годы войны один писатель приходит в горсовет. Слушай, говорит он председателю, света нет. Как писать, а? Тот отвечает, подумав: а Фирдоуси как писал? Тогда электричества не было. Да, отвечает писатель, но и горсовета тогда не было!..

Как-то польский классик Ярослав Ивашкевич пригласил меня сопровождать его в поездке на Украину. Под Киевом в ресторане "Млын" ("Мельница") нам устроили грандиозный чисто украинский, то есть обильный, пир. Я сидел с главой русской делегации, функционером Н. По левую руку от меня — уже тогда известный украинский поэт Иван Драч. Напротив нас — Ивашкевич и Микола Бажан. И вот, привыкший к роли постоянного Хозяина, наш родной функционер, успевший пропустить не одну стопку горилки с перцем, говорит тост: "Приветствуем вас, наших дорогих украинских ГОСТЕЙ..." Я толкаю его под столом ногой. Поправляю: "ХОЗЯЕВ". Он, прерывая тост, удивленно смотрит на меня. Неловкая тишина. И тут ироничный Драч, нараспев и как бы вполне добродушно, разряжает обстановку: "Та что там, Владимир Федорович, — все мы гости на этой грешной земле!"

Судьба подарила мне дружбу с великим Пабло — Пабло Нерудой. Я написал о нем большое эссе, писал послесловия к его

сти!" Каков негодяй! — Неруда даже вытирает слезы.

Нет лучших провидцев, нежели дети.

В Шереметьеве еще не построили аэродром, и солнце, заходящее за лесом в том месте, где теперь взлетают лайнеры, красило полнеба в загадочно павлиньи цвета. Моя пятилетняя дочь почему-то увязала эти закаты с ходячим выражением "сияющие дали". Когда я гулял с навесившими меня польскими писателями Земовитом Федецим и Корнелем Филиповичем, Земек Федецкий предложил Леночке прогулку к "сияющим далям".

еще триста десять поэтов. Что тебе, критику, лучше, а?"

Это, конечно, была шутка. Однофамильцы Абашидзе — Григдл и Ираклий — смеялись.

Сам же Бесо почему-то не следовал этому правилу. Мне больше запомнились его панегирические отзывы о поэтах.

Шкловский: "Когда Бесо приехал к морю в первый раз, он зачерпнул в пригоршню воду, поднес к близоруким своим глазам и удивленно сказал: "И это — море?"

Когда Светлов развелся с красавицей Радам, к нему в ЦДЛ под-

— Ребята, — сказал Семен, — а давайте каждый сочиним по строфе. Только — клянитесь! — никому никогда, кто автор. Как Брокгауз и Ефрон, — добавил образованный Семен.

— Как два Брокгауза и один Ефрон, — хмыкнул я.

И родилось:
Жил в Ростове А. Бобошко,
Ничего себе поэт.
Он писал стихи немножко
И рибатал в Горсовете.

Невзлюбил Ашот Бобошку,
Очень сильно невзлюбил.
Па-немножку, па-немножку,
Па-немножку затравил.

Владимир ОГНЕВ *Труд, 1998-23 мар. - с. 5*
БЛИЖИИ ПАМЯТИ

Писатель, критик, киносценарист Владимир Огнев — автор многих книг о творчестве писателей из республик России, бывшего СССР и других стран, где ему довелось неоднократно бывать. Свои впечатления В. Огнев всегда записывал в дневник. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей "Труда" фрагменты из его не изданной пока книги "Амнистия таланту".

— Не дойдем. Никогда. Ножи устанут, — мудро резюмировал исторически дальновидный ребенок.

Грузинский классик Георгий Леонидзе смешно пересказал мне разговор с Сурковым: "Ты, Георгий, конечно, меня ху-

сел молодой хам и спросил — почему? "Очень просто. Она любит петь грузинские песни. И хором. А я — еврейские. И один".

Когда Семен Гудзенко работал в "Литгазете", мы сидели за общим столом и отвечали на письма о поэзии. Семен придумал

Ах ты, бедная Бобошка,
Если б ты была башешка,
Не травил тебя б Ашот —
Делал все б наоборот.

Мы радовались как дети. Но я сказал, что Семен сам демаскировал себя, и если скрыть авторство двух последующих строф еще удастся, то вот первой... Кому из "узких кругов" не известно его четверостишие:

В огороде тети Дойры,
Набираясь сочка,
Подрастали помидоры
Для питанья Исачка...

"Работал в Горсовете" — из того же ряда.

— Это просто школа Гудзенко, — важно сказал Семен. — Вы можете гордиться, что учились у меня. Мы согласились.

Семен Гудзенко...
Упал затылком, ушанка отлетела в сторону. Торопился домой...

Конечно, и это можно считать войной. С войны же, окончившейся, к дому торопился.

Война засела в памяти. В одном из последних стихотворений своих, написанном уже в госпитале Бурденко, сравнивал врачей в белых халатах с бойцами в масках халатах... Мы приезжали к нему с Ларисой, женой его, навещали через день, а то и ежедневно. Он читал нам стихи того больничного цикла по памяти.

Когда выписался после первой операции, позвал меня и Межирова домой. Мы оба выпили за рождение его дочки. Межиров спросил: "А ты?" — "Мне нельзя. Врачи сказали — никак... Пока". — "А ты символически. С наперсток", — провоцировал Межиров. Семен встал с постели, порылся в комод и показал... настоящий наперсток для шитья. Мы смеялись, когда Семен налил в него коньяку и, чокнувшись, выпил. Ночью "скорая" отвезла его обратно в госпиталь.

Там я видел его только раз. В приемной застал Долматовского. Нас провели во дворик. Было лето. Больные, человек пять, лежали, укрытые простынями под синим-синим небом.

Семен был плох. Сострил дустищем, которое я не могу про-

цитировать ввиду его "ненормативности". Пожал нам руки и сказал серьезно: "Прощайте".

Протянул он до зимы. Но нас уже не пускали к нему.

Хоронили в лютый мороз на Ваганьковском.

Когда я вышел с кладбища, Лариса сказала: "Садись в машину". Я влез в набитый людьми генеральский "ЗИМ".

За столом Лариса хлопотала, подкладывала мне какие-то грибки и огурчики: "Сама мариновала..."

Я сидел истуканом, отогреваясь и с обычным удивлением (не принимаю варварской традиции поминок) наблюдал, как оживленно жуют и опрокидывают стопки окружающие.

Позвонил телефон. Лариса говорила вполголоса, закрыв трубку ладонью. Потом позвала: "Тебя".

Я взял трубку и услышал резкий, обидевший меня голос Симонова: "Вы что, забыли, что вы читчик? Срочно приезжайте в редакцию!"

Читчиков звали еще так: "свежая голова".

Ко мне это могло относиться весьма отдаленно.

...После смерти Семена, не раз цитировали его знаменитые строки:

Мы не от старости умрем,
От старых ран умрем.
Цитировали, ошибочно относя это к судьбе самого поэта.

А умер он от опухоли мозга, не имевшей отношения к войне. Бежал в Москве за полуторкой, а задний борт открылся, когда он повис на нем, а скорость была большая...

Упал затылком, ушанка отлетела в сторону.

Торопился домой...

В дневнике от 9.10.66 г. Знакомство с Рафаэлем Альберти и Марией-Тересой Леон Мариа — экспансивна, жестикулирует, вулканическая женщина. Рафаэль невозмутим, посапывает трубкой, улыбается.

Мария: "Лорка кричал перед дулами, нацеленными на него: "Я буду жить! Я буду жить!" О Лорке дочь и зять Марии сделали фильм. Она жалуется, что его нельзя показать в Советском Союзе.

Однажды Астуриас позвонил Рафаэлю: "Вива, Рафаэль! Франко морэ! Умер Франко!" Весь Рим ликовал, так как Альберти обзвонил всех, кого успел. Плясали на улицах испанцы. Потом оказалось: однофамилец. Хороший, добрый человек, булочник...

Ярослав Ивашкевич устроил в Варшаве прием в мою честь. Это было, конечно, вызовом партийно-номенклатурному этикету... На этом приеме Ярослав рассказал мне занятную историю. Сразу после войны приехала в Польшу делегация литературных генералов во главе с Сурковым. Сурков грубовато и решительно критиковал Ивашкевича за либерализм. Ивашкевич понимал, что ветры дули из Кремля, молча выслушал Суркова и пригласил к накрытому столу.

Исполнивший долг Сурков, довольно потирая руки, спросил тихо:

— Ярослав, а где тут можно у вас?..

Ивашкевич широким жестом очертил большой круг:

— Вам, Алексей Александрович, — везде...

Я восторженно вспоминаю эту сцену ответа ИНТЕЛЛИГЕНТА на имперское хамство!

Пабло Неруда в своем чилийском доме на берегу океана.

книгам, был соредактором с К. Симоновым и Л. Осоватом его собрания сочинений, получал лестные автографы.

Во время одной из встреч на квартире испаниста Овадия Савича Пабло лег после обеда на диван и положил грелку на живот. Он лежал с полузакрытыми глазами и продолжал рассказ о Гарсиа Лорке. Вдруг рассмеялся:

— Однажды, когда мы вместе обедали в ресторане, французский поэт Деснос так увлекся беседой с Гарсиа Лоркой, что не заметил, как его молодая жена начала флиртовать с официантом-испанцем. "Слушай, мне это надоело, — сказал я официанту тихо. — Иди на кухню!". "Пабло, соблюдай формальности", — строго ответил мне красавец официант. И Неруда зарзательно хохочет. — Вы слышите? Как это вам нравятся! "Пабло, соблюдай формально-

до-жест-вен-нее, зато я гражданст-вен-нее..."

С балкона Серги Чилая в Цхенети Леонидзе требовал, чтобы я рассмотрел в дальней дали село Ваха Пшавель: "Ну как ты не видишь, я же вижу!" Я до боли в глазах пялился на заснеженные хребты: "Нет. Не вижу!"

"Вах! — сказал Георгий. — Да вон же!"

Потом вежливый Симон Чиковани объяснил мне, что Ваха жил совсем в другой стороне, а Леонидзе — просто фантазер, "видит, чего видеть нельзя".

Бесо Жгенти учил меня: "Если ты хвалишь, например, Ираклия, будет сердиться не только Григол, но и еще триста десять поэтов. Потому, что обидно. А если ты поругаешь, например Григола, будет рад не только Ираклий, но

разделить стол мелом на две половинки и пытался подкидывать мне письма, как он выражался, "на которые надо давать трудные ответы".

Кипа в тот день была огромная. Мы впали в уныние, тем более что его тесть генерал Жадов, как и мы, страстный футбольный болельщик, обещал заехать за нами, захватить на "Динамо". Письма залежались. Я был до этого в отпуске, Семен — в больнице. А тут еще заглянул в гости Женя Винокуров и стал отвлекать нас ленивым трепом. Вдруг Семен захохотал: "Вы только посмотрите! На такое можно ответить только стихами!"

Мы с Женей прочитали жалобное письмо начинающего поэта из Ростова-на-Дону А. Бобошко о том, как его притесняет всевластный поэт Ашот Гарнакерьян.

Фото автора.